

ПОПЕЧЕНИЕ О БЕСПРИЗОРНЫХ И БЕЗНАДЗОРНЫХ ДЕТЯХ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Представлены педагогические приемы, методы, средства, содержание и формы социальной поддержки детей, лишившихся попечения родителей в правление российской императрицы Екатерины II.

Ключевые слова: сироты; дети; воспитательный дом.

Положение ребенка в Западной Европе стало меняться с началом Нового времени. Идеи Возрождения, а позже Просвещения кардинальным образом повлияли на отношение западно-европейского общества к детям. Гуманистическая литература того времени сделала нормой человеческой культуры родительскую любовь и поставила ребенка в центр семейной жизни. Не случайно тогда же возникает педиатрия как специальный раздел медицины, появляется детская одежда.

Медленное и робкое проникновение идей деятелей эпохи Возрождения в Россию стало ощущаться с середины XVII в. Оправившись после опричнины, Смутного времени и польской интервенции, Московское государство расширяло свои пределы, шло постепенное развитие сельского хозяйства, ремесел, внутренней и внешней торговли, стали появляться мануфактуры, росли старые и возникали новые города, все более частыми становились международные контакты. Началась, по выражению К. Валишевского, интеллектуальная эволюция страны [1. С. 261].

Начавшаяся во второй половине XVII в. интеллектуальная эволюция страны привела к тому, что в общественном сознании стало зарождаться понятие о человеческом достоинстве ребенка. Но эти изменения происходили только в самых высших слоях общества. Их распространение, а главное – проникновение в глубь общества, начинает происходить в период правления Екатерины II (1762–1796 гг.). Намечаемые ею и приближенными мероприятия далеко выходили за рамки борьбы с беспризорностью и заботы о безнадзорных детях. Они представляли собой грандиозный план социально-педагогической реформы.

Инициатором этой реформы был известный филантроп и педагог, генерал-поручик И.И. Бецкой, внебрачный сын фельдмаршала И.Ю. Трубецкого, на себе познавший горечь безотцовщины. Его отец, после взятия Нарвы шведами в 1700 г., оказался в долгом плену в Швеции. Там и появился на свет незаконнорожденный сын Трубецкого, получивший, по обыкновению того времени, часть отцовской фамилии. Бецкой прожил 15 лет за рубежом, преимущественно в Париже, где посещал светские салоны, свел знакомство с энциклопедистами (Гольбахом, Даламбером и др.) и путем бесед и чтения усвоил модные тогда идеи. Очевидно, уже тогда он избрал круг интересов, который предопределил его будущее.

Вернувшись в Россию при Петре III, Бецкой, после переворота 1762 г., занял прочное и видное место при Екатерине II в качестве личного секретаря. Тесное общение с императрицей объяснялось не столько их давним знакомством, сколько близостью взглядов. Страстная поклонница Просвещения, Екатерина II к этому времени была немало начитана в вопросах педагогики.

Социально-педагогическая система, созданная в ходе этого общения, есть результат их совместной работы. Как писала О.Г. Чайковская, эта система, а также теоретическая и практическая деятельность Бецкого до сих пор не оценены по достоинству [2. С. 121–122]. Стоит отметить, что и статья Чайковской, посвященная этой проблеме, написанная в годы перестройки, не была замечена научной общественностью.

Хорошо зная положение дел с беспризорностью в России и изучив опыт работы борьбы с ней в Западной Европе, Бецкой представил Екатерине II доклад, в котором указал на ужасающие последствия этого явления. Кроме доклада, в 1763 г. И.И. Бецкой предложил проект под названием «Генеральный план Императорского воспитательного дома», в котором рекомендовал создать особое отделение для приема «незаконнорожденных» детей [3]. В проекте, предусмотренном Бецким до мелочей, явно прослеживаются идеи Ж.-Ж. Руссо, который считал, что только в условиях полной изоляции от порочной социальной среды из ребенка можно вырастить человека идеального, совершенного во всех смыслах. Задача воспитательного дома виделась в том, чтобы посредством воспитания вырастить «новую породу» людей.

По мнению Бецкого, воспитание должно включать в себя три основных части: физическое, нравственное и умственное. «Истинной пружиной воспитания» он считал «мораль, или нравоучение» и умственное образование. Физическое воспитание он определял как «средство следовать по стопам природы, не превозмогая ее и не переламаывая, но способствуя ей». Основой нравственного воспитания Бецкой считал религию. Первостепенная задача нравственного воспитания – «вселять в юношество страх божий, воспитывать моральные качества, которые требует христианская религия. Для простых людей главное – трудолюбие. Питомцы воспитательных домов должны страшиться «праздности как источника всякого зла и заблуждения».

Бецкой предлагал дифференцировать образование в соответствии с природными дарованиями ребенка. «Надлежит неотменно, – писал он о принципах группировки воспитанников Дома, – разделить на три разбора детей, распределяя оные точно по их дарованиям, а именно: первому состоять из тех, которые очевидно могут отличаться в науках и искусствах; второму, и который, конечно, величайшее число в себе заключает, из определенных быть ремесленниками и рукодельниками, а третьему, коих понятия тупы, из простых работников» [3].

Предполагалось, что отдельные питомцы воспитательного дома, проявившие большие способности к какому-либо занятию, будут обучаться латинскому языку, знакомиться с аптекарским делом, учиться ри-

сованию. Наиболее одаренные должны были изучать иностранные языки и некоторые науки и потом поступать в Московский университет, а девочки – в мещанское отделение Института благородных девиц. Подобная система подготовки одаренных воспитанников обосновывалась тем, что они могут принести более пользы изучением наук и художеств, нежели обучаясь каким-либо «грубым мастерствам».

Для детей, не имеющих «ни роду, ни племени», из которых надлежало подготовить «умельцев, ремесленников, прислугу для богатых домов», объем образования задумывался скромным. Считалось, что питомцев с 5 лет следует обучать чтению и рисованию, а также приучать к легкой физической работе; с 7 до 11 лет их предлагалось обучать в школе не более чем по одному часу в день чтению и «первым основаниям веры»; с 11 до 14 лет, также по одному часу в день, учить письму, арифметике (в пределах четырех действий над простыми числами), катехизису, рисованию и элементарным географическим сведениям. Затем они должны были направляться для продолжения образования в специальное училище при Академии художеств в Петербурге.

Важное место должно было занять трудовое обучение. В воспитательном доме существовало полное самообслуживание. Приучать воспитанников к «легкой работе» намечалось уже с 5 лет. Мальчиков от 7 до 11 лет – обучать вязанию сетей. Девочек этого же возраста учить прясть, плести ленты, кружева, тесьму и т.д. Мальчиков 11–14 лет обучать обработке пеньки, льна, шерсти, работе на огороде, девочек – делать пряжу, ткать ленты, стряпать, шить, стирать и т.д. В 15–16 лет подростки обоего пола должны были начать совершенствовать свои навыки в ремеслах, работая в специальных мастерских при воспитательном доме в течение 4–5 лет.

Пройдя всю эту длительную школу воспитания и обучения, питомцы дома, по проекту Бецкого, должны были получить право жениться на воспитанницах. Так планировалось сформировать «новую породу» людей, «новых отцов и матерей», «которые б детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, и от них дети передали б паки своим; и так следуя из родов в роды, в будущие веки» [4. С. 128–131].

Российские социально-педагогические утописты решили осуществить на практике, двинуть в жизнь идею Руссо, которую, разумеется, утопией не считали. Не смущаясь тем, что эта идея не получила должной апробации, они хотели ее осуществить с истинно русским размахом. Сам Ж.-Ж. Руссо скептически добавлял, что ребенка, дабы полностью изолировать от порочной среды, нужно поместить на Луну или, по крайней мере, на необитаемый остров. Наши энтузиасты считали, что у них это может получиться в Москве или Петербурге: ведь одна самодержавно сидела на троне, а другой был в числе первых государственных деятелей страны.

Но даже не эта утопичная сама по себе задача была главной целью проекта. Вопрос стоял шире – создать в стране новый социальный слой. В России отсутствовал общественный слой, который на Западе назывался «третьим сословием» – промышленники, фабриканты, купцы, ремесленники, на который власть могла бы

опереться, получив, таким образом, относительную независимость от дворянства. Воспитательный дом должен был создать «средний класс», или «третий чин людей». «Третье сословие» предполагалось вырастить в буквальном смысле слова. Бецкой в «Генеральном плане...» прямо говорит, что цель воспитания в доме совсем не та, что при воспитании благородных; питомцы дома должны служить Отечеству делами рук своих. Все они по положению своему будут вольными, никто ни при каких обстоятельствах не смеет их закрепостить или закабалить [2. С. 126].

Любопытно, что в качестве «исходного материала» для формирования «новой породы» людей предлагались не дети из благополучных семей, а их неблагополучная часть – бедные дворянские сироты, безродные подкидыши, нищие, незаконнорожденные, которых родители не в силах были прокормить, бродяги. Возникает естественный вопрос, а сколько же в России было таких несчастных детей, если из них предполагалось создать новый социальный слой?

Будучи фактически соавтором проекта, императрица план Бецкого одобрила. Более того, в изданном ею 1 октября 1763 г. манифесте «Призрение бедных и попечение об умножении полезных обществу жителей» говорилось: «Надеемся, что... каждый по возможности своей потщится снабждать боголюбивым подаянием как на строение сего дома, так и содержание сего общего добродетельного дела, дабы и самые уже ближние наши потомки к славе нашего века, могли пользоваться из того действительными плодами» [5. С. 290]. Этим пожеланием, с одной стороны, Екатерина II положила начало российской благотворительности, не выходявшей ранее за рамки княжеской и царской.

Издание данного манифеста имело принципиально важное для России значение, так как в условиях авторитарной власти даже такое «богоугодное» дело, как благотворительность требовало царского разрешения и монаршей инициативы.

Известно, например, что Петр I, преследуя нищенство, законодательно запрещал частную благотворительность и даже наказывал за нее. С другой стороны, призвав вельмож к благотворительной деятельности, Екатерина II снимала с государства часть забот по созданию и содержанию домов для сирот.

В апреле 1764 г. в Москве был открыт воспитательный дом (другое название – сиропитательный дом). В день открытия было принесено 19 младенцев. Это гуманное мероприятие приветствовали передовые люди России и Запада. М.В. Ломоносов писал по этому поводу, что блаженство общества вседневно возрастает. Основной капитал данного учреждения состоял из личных средств императрицы и ее 10-летнего наследника Павла (единовременные пожертвования 100 тыс. руб. ежегодно).

Святейший синод поддержал инициативу императрицы и обратился с воззванием «содействовать благому начинанию». Во всех церквях были выставлены кружки для «доброхотных подаяний». Среди первых благотворителей, откликнувшихся на призыв церкви и пример императрицы, были И.И. Бецкой, Д.А. Голицын, П.А. Демидов, А.П. Бестужев-Рюмин, А.Г. Разумовский и др.

Круг деятельности воспитательного дома был широк. Руководство в лице благотворителей, называвших себя попечителями, помогало собирать подкидышей в разных городах и направлять их для дальнейшего воспитания в данное учреждение. Воспитательный дом заботился о сиротах, детях нищих родителей. Его важным делом была социальная поддержка бедных беременных женщин независимо от их положения в обществе [6. С. 129–130].

Вельможам было лестно и выгодно стать членами Опекунского совета или попечителями. Дворяне за пожертвование 600 руб. в пользу воспитательного дома получали чин камергера от Коллегии, а за пожертвование 1 000 руб. давался чин комиссара Коллегии. А «не дворяне, пожертвовавшие не менее 25 рублей, получают за бесчестье столько же, а за увечье вдвое против суммы подаяния, в удовольствие, чего выдается соответствующий вид от Опекунского совета и публикуется в ведомостях». За 15 лет, с 1765 по 1780 г., было внесено пожертвований от различных лиц 43 250 руб. [7. С. 147]. Дворянство и богатые купцы дарили дому деньги, везли туда продукты, вещи. Попечителями дома стали графы А.Г. Орлов, Н.И. Панин, А.С. Строганов, И.Э. Миних, графиня П.А. Брюс, князь Я.П. Шаховской.

Но благие намерения были почти сразу развеяны жестокой действительностью. Принос детей в воспитательный дом начал быстро возрастать. Росли расходы заведения, а средств не хватало. Идеи новой светской благотворительности с трудом приживались даже в Москве.

В конце 1763 г. один из опекунов сообщал Бецкому, что москвичи не рвутся помогать дому – «делу новому и необыкновенному» и, в отличие от Петербурга, «крайне надобно стыдиться здешним жителям, что никто ни одного шелега еще по сю пору подать не уболил» [8. С. 274].

Печальным итогом стал недостаток в кормилицах, теснота и духота в грудных отделениях. Результат был ужасным: из принятых в 1764 г. 523 детей умерли 424; в 1765 г. умерли 597 детей из 793 принесенных; в 1766 г. соответственно 494 из 742; в 1767 г. умерли почти все (1 073 из 1 089, или 98,5%) [9. С. 277].

Тогда Опекунский совет признал наилучшей мерой раздачу детей на вскармливание в деревню за плату. После этого смертность в самом доме пошла вниз и составила в 1768 г. 62%, в 1769 г. – 39, в 1770 г. – 25% [9. С. 277]. Однако, значительно ослабев в самом доме, смертность последовала за детьми в деревню. Условия кормления и ухода в деревнях были едва ли лучше. Брали детей исключительно из денежных соображений. Вскармливание и воспитание питомцев стало почти таким же промыслом, как извоз, пилка дров и т.п. Крестьянки, не окрепшие после родов, ради заработка устраивались в воспитательный дом кормилицами и нередко хоронили своего и чужого ребенка. За 10 лет умерло 64% розданных [10. С. 29].

Не сохранилось никаких свидетельств того, как реагировали инициаторы социально-педагогической реформы на сложившуюся ситуацию. Можно предположить, что таких свидетельств и не было, а сама ситуа-

ция не казалась трагедией. Даже такая высочайшая детская смертность не была в то время чем-то исключительным. В царствование Екатерины II, особенно в Москве и Петербурге, беспрестанно попадались мертвые дети на огородах, в лесах, реках, прудах, болотах и т.д. [11. С. 160].

Неудача, очевидно, не обескуражила Екатерину II. В 1770 г. был открыт Петербургский воспитательный дом [12, 13]. Как и в Москве, смертность в нем поражает современное воображение. За 1770–1779 гг. она составила более 85% [14. С. 144]. Воспитательные дома все чаще стали именоваться «гробами, в которые сваливают детей до переноса их на кладбище» [10. С. 29].

Выход из ситуации виделся только в передаче детей на вскармливание в деревню. Для этого к Московскому воспитательному дому было приписано 4 300 селений Московской, Тульской, Владимирской, Тверской и Рязанской губерний с 30 тыс. кормилицами, воспитывавших до 40 тыс. детей. К Петербургскому дому было приписано 2 000 селений Санкт-Петербургской, Псковской и Новгородской губерний, где 18 тыс. кормилиц содержали 25 тыс. питомцев. В села отдавались физически крепкие дети, а в воспитательных домах оставляли лишь наиболее слабых.

Однако эта мера не изменила ситуации. Количество детей в воспитательных домах возрастало. Ощущался острый недостаток в кормилицах, помещениях, средствах. В приютах царили скученность, антисанитария, нищета. Смертность детей достигала 60–80% от числа принятых [15. С. 71].

Дети, направленные на содержание и воспитание в деревню, также большей частью умирали. В течение 32-летнего пребывания Бецкого на посту управляющего Московским императорским воспитательным домом из 30 014 питомцев, отправленных в деревню в грудном возрасте, выжил лишь каждый четвертый, возвратился – один из шести. Одни пропали без вести, другие были зачислены в крепостные. В дальнейшем число детей, возвращающихся из деревень в воспитательный дом, с каждым годом уменьшалось [16. С. 131].

Таким образом, российская социально-педагогическая утопия не осуществилась. Создание «новой породы» людей и третьего сословия из детей-сирот и подкидышей оказалось мифом. Да и могло ли быть иначе? Екатерина II и ее приближенные рьяно бросились спасать безнадзорных детей, но при этом не позаботились ни об необходимых помещениях, квалифицированных воспитателях, ни о соответствующем финансировании.

С XVIII в. забота о воспитании детей, устройстве, будущем переходит в разряд важнейших семейных задач. Используя западно-европейский опыт, российские деятели отстаивали и совершенствовали российские социально-педагогические традиции, вырабатывали на практике педагогические приемы, методы, средства, содержание и формы предотвращения распространения детской беспризорности и безнадзорности. Жизненная перспектива детей представлялась российским императорским обществом в предоставлении им общего и профессионального образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валишевский К.* Первые Романовы. М.: Квадрат, 1993. 375 с.
2. *Чайковская О.Г.* Воспитание «новой породы людей» (Об одном социальном эксперименте XVIII в.) // Социологические исследования. 1987. № 2. С. 121–134.
3. *Об учреждении* в Москве Воспитательного дома, с особливим гошпиталем для неимущих родительниц // Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. СПб., 1830. Т. XVI, № 10587.
4. *Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в.* / Под ред. Н.М. Дружинина. М.: АН СССР, 1954. 815 с.
5. *Кузьмин К.В.* История социальной работы за рубежом и в России. Москва; Екатеринбург: Академический проект, 2003. 480 с.
6. *Павлова О.К.* Благотворительность в России X–XVIII веков // Клио. 2003. № 3 (22). С. 124–139.
7. *Благотворительная Россия: История государственной, общественной и частной благотворительности в России.* СПб.: Б. и., 1901. Т. 1, ч. 1.
8. *Фруменкова Т.Г.* Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования / Сост. О. Лейкинд, А.В. Орлова, Г.Н. Ульянова. СПб.: Лики России, 2003. 635 с.
9. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:* В 82 т. М.: Терра, 1991. Т. 59. 480 с.
10. *Азарова Е.* Правовое положение детей одиноких матерей в царской России // Социальное обеспечение. 1974. № 4. С. 28–29.
11. *Веселова А.* Воспитательный дом в России и концепция воспитания И.И. Бецкого // Отечественные записки. 2004. № 3. С. 169–179.
12. *О доставлении* младенцев, подкидываемых частным людям, в Воспитательный дом // Полное собрание законов Российской империи: В 45 т. Т. 19, № 13554.
13. *О назначении* места для постройки Воспитательного дома в Санкт-Петербурге // Полное собрание законов Российской империи... № 13429.
14. *Фирсов М.В.* История социальной работы в России. М.: Владос, 1999. 247 с.
15. *Алферова Е.Ю.* Призрение сирот в дореволюционный период // Население России и СССР: новые источники и методы исследования: Сб. науч. ст. Екатеринбург: Уральский кадровый центр, 1993. С. 70–78.
16. *Александрова В.* Московский воспитательный дом // Народное образование. 1990. № 12. С. 130–131.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 26 марта 2010 г.